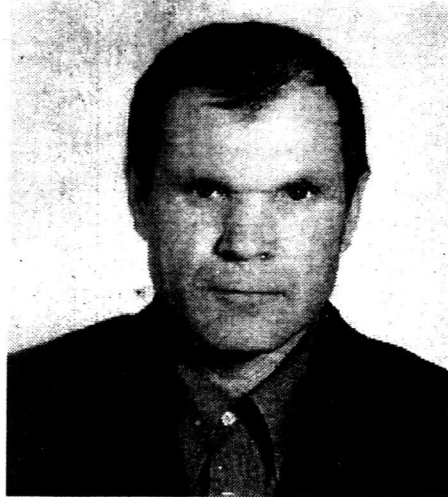

"Прости, Господь, сей жалкий мир..."

...
 Пора выходить из пике,
 земля уже рядом-рядом.
 Мы держим полет в кулаке,
 и удержать его надо.
 А только расслабим кулак,
 то нить нашей жизни качнется,
 и рядом окажется враг,
 и время другое начнется.
 ...
 Какие радости?!
 Играем в кости.
 И в каждой святости
 есть доля злости.
 ...
 Прости, Господь, сей жалкий мир.
 Уже давно он наг и сир,
 и в нем царит кровавый пир,
 и почти каждый в нем — банкир.
 Настало время всех прощать
 и лучшей долею прельщать.
 Приди, Господь, открой уста
 и отведи нас от креста.
 ...

Все в этой жизни не зря:
 поле, лес и небо...
 Не знающий вкус сухаря,
 не знает и вкуса хлеба.
 ...

Пора нам уже прощаться,
 в домах погасает свет...
 Откуда же мудрости взяться,
 когда даже разума нет.
 ...

Я не точил свой ум на оселке
 в бессмысленных баталиях словесных,
 когда бывала жизнь на волоске,
 я просто знал: не сгину, а воскресну.
 Тогда я знал, что разум ни при чем,
 и все мое от случая зависит...
 Откроет случай дверь моим ключом —
 и мне лететь в заоблачные выси.
 Когда другая ляжет сторона,
 и вниз лететь, стора от отчаянья, —
 то просто обрывается струна,
 и нечего винить свою случайность.
 ...

Время не может отчаяться —
 у времени времени нет.
 Время — оно не кончается,
 и не ищите ответ.
 ...

Сунется время в вечность,
 не рассчитавши сил...
 Где же моя бесконечность,
 та, что с рожденья носил?
 Переживу мгновенья,
 в хаос уйду миров...
 Только в одном дуновенье
 не наломать бы дров.
 Не испытать бы стылость
 близких, родных углов,
 надеясь на чью-то милость,
 сберечь бы беспечность слов.
 Время крадется тихо
 в мудрости тихих слов,
 и отпеваешь лихо
 в незыблемости основ.
 Не канет ничто в забвенье,
 вернется другим лицом,
 и снова — в одном дуновенье,
 и со своим концом.
 ...

Какие шаткие основы,
 и как тонка у жизни нить,
 когда не можем даже слово
 к душе усталой прислонить.
 Какие жуть, непостоянство!
 Вокруг меня одни углы,
 определяющие чванство
 с амбициозностью килы.
 ...

Врата чужие открываешь,
 но не измерив этих дней,
 другую душу призываешь
 лишь для спасения своей.

...
 Я знаю, что мера веры
 в том, что той меры нет.
 ...

Меру свою в этом мире найди —
 мятущихся духом умом не суди.
 ...

Лишь на крыльце химеры,
 терзаясь каждый раз,
 мы пьем, не зная меры,
 но мера знает нас.
 ...

В ветвях одинокого дерева
 заблудилась луна.
 То ли силы своей не размерила,
 то ли очень пьяна.
 Зацепилась за ветку, качается,
 луннолика блажь...
 То ли небо с землею венчается,
 то ли просто мираж.
 То ли познано то, что не познано,
 повстречались края...
 Это миром еще не осознано,
 словно вера своя.
 ...

Прошел я, не мерясь,
 счастливую даль.
 Жила во мне ересь,
 осталась печаль.
 ...

Если умом не святоша,
 телом зазря не греши.
 Тело — обычная ноша,
 коль не имеет души.
 ...

То тот уходит, то другой,
 а мне у смерти быть слугой.
 ...

Настанет день, когда меня не будет,
 отмерена пути последняя верста.
 Угасший разум душу не осудит
 за то, что ей осталась высота.
 За то, что ей в последнее мгновенье
 быть суждено, оставшись без тепла.
 За то, что ей остались все сомненья,
 что разрешить в живущем не смогла.
 Что отлетит, отмерив над погостом
 лишь сорок дней вселенской тишины...
 И без души истлеют мои кости,
 но только в этом нет ее вины.
 ...

Душе придется возвращаться
 на изначальную межу,
 но чтоб не помнить, не встречаться,
 совсем не знать, где я лежу.
 Душе не нужно это помнить —
 она приходит в мир другой.
 Ее несут иные волны
 пока еще совсем нагой.
 Она опять познает тело,
 противоборствуя с умом.
 И с черным встретится, и с белым,
 но в измерении ином.
 ...

Планеты — во Вселенной острова,
 но где материи и континенты?
 Где наша позабытая глава —
 материи пропавшие моменты?
 Где наша колыбель и где погост?
 В какой же золотой мы середине?
 Кто охраняет между ними мост
 и не дает растаять нашей льдине?
 Неверие — забытые слова,
 и не понять нам собственной гордыни...
 Воистину материя права,
 что человек обязан жить на льдине.
 ...

И каждый раз, как только вспомню,
 за осенью идет зима,
 и что качают годы-волны,
 и тело для души — тюрьма.
 И что швыряет словно щепку,
 в толпе — людской водоворот,
 и не найти нигде зацепки...
 За поворотом — поворот.
 Года разнужданные мчатся,
 а под ногами нет земли...
 Зачем же было мне рождаться,
 когда другие не смогли?
 ...

Путь ошупывают глаза,
 а суть — слеза.
 ...

Не будь надменной, в жизни сложно
 звучит душевная струна,
 а совершенство — невозможно,
 душа сознанию не верна.
 ...

В судьбе поэта звезды — не светила,
 в душе поэта синь — не красота,
 к ним для моста не найдено настила,
 поэтому за ними — пустота.
 За этим краем жизнь неизмерима,
 за этим краем призраком мечта,
 что от рождения в душе хранима,
 придавленная тяжестью креста.
 Для всех людей не найдено ответа...
 Поэт — пророк, но истина одна:
 коль от души бывает много света,
 то и душа, как истина, без дна.

Аркадий ПЕТРОВ родился в Магнитогорске в 1953 году. 20 лет отслужил во внутренних войсках прапорщиком. Давно пишет сказки и притчи. Сегодня мы предлагаем их на суд читателя.

Аркадий ПЕТРОВ

Где поселилась любовь?

Много странствовала по свету Любовь. Искала пристанища себе надолго и основательно. Но нигде ее не привечали и гнали от себя, как прокаженную, люди. Все не, до Любви им было со своими бесконечными заботами и делами. И все они ей говорили: «Погоди! Не до тебя! Вот устроим жизнь, наладим все основательно, тогда приходи».

Во многих местах побывала Любовь за время странствований, множество свадебных торжеств посетила, но нигде так и не остановилась. Одни сочетались из-за корысти, другие, чтобы уважить родителей, третьи из-за честолюбия и тщеславия, но все они лицемерно говорили о любви друг к другу.

Долго-долго бродила по свету Любовь и вот однажды набрела она на одинокого человека, который был уже в возрасте и очень страдал от того, что никогда еще не знал и не испытал Любви. Он много пережил в своей жизни, много раз его предавали, да и он, видимо, предавал...

Но поняла Любовь, что здесь ее все-таки ждут. И поселилась в душе этого человека. И запело его сердце от радости к жизни и любви ко всему сущему. Потянуло его к людям поделиться этой радостью. И пошел он к ним. Но опять же люди испугались Любви и стали гнать его и насмехаться над ним: «Чему ты радуешься, дурачок, когда столько проблем вокруг? Что толку от твоей Любви,

когда она тебе ничего не дает, кроме беспричинной и пустой радости? Гони ее прочь из сердца и займись серьезными делами. Она только мешает тебе!» Отмахивались люди кругом от него, как от надоедливой мухи, гнали прочь. А некоторые даже решили, что он стал ненормальным, надо его изолировать и лечить.

Только детушки малые, так как они были еще чисты и совершенны, без пороков и изъянов, узрели истинное лицо Любви и стали стайками слетаться к нему, как воробушки, чтобы погреться у тепла его сердца, как у костра, и унести с собою малую кроху-искорку любви, взрастить ее в своем сердце.

Шел человек этот по жизни, всегда окруженный ребятами малыми и их мелкими живностями — кошечками да собачками, а взрослые отворачивались от него, иные даже завидовали, а другие злобно шипели вслед. Человек же всегда добродушно и с улыбкою на устах говорил им: «Здравствуйте! Добрый день! Добрый вечер!». Незаметно подбрасывал им в заскорузлые души маленькие искорки Любви, которые до поры до времени затаивались там, копили по крохам силу, а затем прорастали, растапливая смерзшийся лед заиндевелых душ, врачую людей.

Так Любовь готовила себе большое будущее.

Сказка о маленьком грустном стеклышке

На яркой солнечной поляночке, у опушки леса, жило-поживало совсем маленькое и грустное стеклышко. Оно давно уже отделилось от своих братьев и сестер-стеклышек, так как однажды его подняли чьи-то руки и забросили далеко от остальных. И оно давно уже позабыло, что когда-то было частью какого-то стеклянного предмета: стакана, банки, а может и чего-нибудь более благородного...

И вот лежало стеклышко в траве и сильно переживало от того, что оно светлое, чистое и очень прозрачное, но никто не хотел его замечать. Малые ребята, которые всегда ближе к земле-матушке, брали его в ручки и, посмотрев сквозь, разочарованно бросали опять, так как ничего не изменялось в мире при взгляде через него. Но вот однажды чьи-то руки опять подняли его и, в очередной раз разочаровавшись, бросили. Но тут произошло самое главное событие в жизни маленького стеклышка. Оно упало в траву таким образом, что стало отражать солнце. Всего лишь один лучик, отразившись от стеклышка, упал на капельку-росинку. И она ожила, засверкала всеми цветами радуги, превратилась в прекрасную жемчужину, достойную быть в короне принцессы. Это было прекрасное зрелище, которое длилось целую минуту. Краски менялись от яркочерной до небесно-голубой, проходя все цвета радуги. Один малыш, совсем забыв об игре, зачарованно смотрел на эту крохотную капельку, удивляясь чудесному сверканию разноцветных лучей.

Наблюдая все это, стеклышко было очень

счастливо. Оно чувствовало себя творцом красоты и тихонько радовалось своему маленькому счастью. А вот и другой малыш воскликнул: «Мама! Мамочка! Посмотри! Какая чудная капелька сидит на травинке! Она живая и переливается...» И от этого радостного крика маленькое стеклышко, кусочек разбитой когда-то непутевым человеком стеклянной вещи, воспрянуло духом и поняло, что и оно не зря живет на свете, и с большим удовольствием ожидало восход солнца, чтобы в очередной раз послать лучики на маленькие капельки-росинки, чтобы люди могли увидеть эту красоту и запечатлеть ее в своих сердцах...

Но вот прошло лето, и взрослые с детьми перестали ходить этой тропинкой. С надеждой и грустью стеклышко старалось лучше и лучше осветить капельки росы. Но у взрослых, видимо, были свои проторенные дороги и тропинки, где не было такого стеклышка и такой росы. Однажды, совсем на склоне лета, оно собрало все свои силы и озарило множество капелек-росинок на траве и листьях деревьев. И люди увидели тысячи разноцветных огней. Но это длилось всего лишь мгновение. Но стеклышко было счастливо. Видимо, и солнцу были созвучны его мысли и желания. Стеклышко уже было готово запеть и зазвенеть от переполнившего его счастья, но вдруг задрожало, не выдержав такого сильного напряжения, и... треснуло, развалившись на множество мельчайших осколков, не вынеса чьих-то грубых и грязных сапог, случайно забредших на тропинку.

Инна ВОСКОБОЙНИКОВА

Осень

Этюд

Дни стали задумчивыми и нахмуренными. Им так идут изогнутые брови и дождливая усмешка. Как быстро летит осень на воздушной колеснице по серому небу! Ветер борется со слабыми лучами солнца. Но разве победить дряблему лету молодую осень, полную жизненных сил...

Удивительно наблюдать за воздушногрудыми синичками, которые скачут по выцветшей траве. Посмотришь: живые комочки прыгают и перекликаются. Их так много, что кажется, будто земля чуть-чуть поднимает свою грудь и вот-вот запоет прощальную грустную песню синичек.

... Я осенью нежнее становлюсь, чем ближе ветер, тем сильнее грусть.

Хочется молиться и говорить одними стихами, даже если ты не поэт. Холодный воздух примет в свои прозрачные руки новорожденные строки и закачает-забаюкает их, словно родных младенцев. Осень...